

СОСЕД ИЗ СЛЕДУЮЩЕГО ВЕКА

и
Николай Заречин

Николай Заречин

Сосед из следующего века

«Автор»

2026

Заречин Н.

Сосед из следующего века / Н. Заречин — «Автор», 2026

Что делать, если жизнь буксует, а даже входная дверь будто против тебя? Илья Корнеев опаздывает, спорит с упрямым замком — и получает сообщения из 2125 года: их присылает будущий жилец его квартиры. Тот знает, к чему приведут привычки Ильи, и шлёт советы, претензии и предупреждения. Но стоит ли доверять чужому — пусть даже будущему — опыту? Комедийная фантастика превращает саморазвитие в переписку сквозь века. Илья учится проверять советы, отличать факты от догадок, не превращать ошибку в приговор себе, беречь границы и меняться маленькими шагами. А главное — понимать: план может поддержать, но не прожить жизнь за тебя. Для тех, кто хочет меняться без самобичевания и громких обещаний. Эта история подарит улыбку и напомним: будущее не присылает готовых инструкций — его создают наши сегодняшние решения. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Заречин Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Квартира с дурным характером	6
Сообщение из 2125 года	10
Человек, которому предстоит здесь жить	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Николай Заречин

Сосед из следующего века

Сосед из следующего века

Николай Заречин

Квартира с дурным характером

Дверь не открывалась, потому что считала: утро должно начинаться с переговоров.

— Я опаздываю, — сказал Илья Корнеев, навалившись плечом на створку.

Дверь ответила скрипом, каким обычно отвечают люди, которым давно надоел один и тот же разговор. Илья дернул ручку, толкнул, потянул на себя. Замок шелкнул, но дверь не поддавалась. В прихожей пахло мокрыми ботинками, вчерашним кофе и той безысходностью, которая появляется, когда до выхода осталось три минуты, а ты еще не знаешь, где ключи.

— Ты же вчера нормально работала, — укоризненно произнес он.

Это было неправдой. Вчера дверь тоже заедала. Просто вчера Илья не опаздывал.

Телефон в кармане завибрировал. Сообщение от начальницы: «Ты уже в пути?» Илья набрал: «Да, почти у офиса». Удалил. Набрал: «Пробка у подъезда». Подумал, что это слишком похоже на шутку, и отправил: «Выхожу».

Ключей на крючке не было. На тумбочке — тоже. Илья проверил карманы куртки, джинсов, куртки, которую носил вчера, и одну из кухонных кастрюль, куда однажды положил зарядное устройство. Ключей там не оказалось, но нашелся одинокий макаронный рожок. Он поднял его, будто тот мог подсказать направление поиска.

Звонок соседки раздался из-за стены, прежде чем Илья успел постучать.

— Опять? — спросила Вера Павловна, открывая дверь.

— Не опять, а снова, — сказал Илья. — Это разные эмоциональные оттенки.

Вера Павловна молча протянула ему запасной ключ. Она хранила его с тех пор, как Илья однажды уехал на выходные, оставив чайник включенным, а квартиру — без присмотра. Чайник, к счастью, был электрический. Вера Павловна, к несчастью для Ильи, обладала хорошей памятью.

— А основной где?

— В надежном месте.

— Насколько надежном?

— Пока не установлено.

Он поблагодарил ее, выскочил на лестницу и прижал к себе сумку. Дверь все-таки открылась, если приподнять ручку и потянуть на себя. Илья отлично знал этот прием. Просто каждое утро предпочитал надеяться, что створка сама пересмотрит свою позицию.

На работу он приехал на двадцать семь минут позже. Начальница посмотрела на него поверх монитора.

— Квартира снова не выпустила?

— У нас сложные отношения, — сказал Илья. — Она не любит, когда я ухожу без предупреждения.

Коллега Лена подняла голову от ноутбука.

— Попробуй предупредить вечером.

Илья рассмеялся, как будто она сказала что-то очень смешное. Потом сел, открыл почту и обнаружил письмо о неоплаченном штрафе за парковку. Он не водил машину с весны. Штраф оказался за просроченный проездной, который он собирался пополнить еще в прошлый четверг.

День прошел в привычном режиме: Илья был обаятельным, полезным и слегка не там, где требовалось. Он умел разрядить совещание шуткой, найти нужный документ за пять минут и отложить простое дело на неделю так, чтобы оно за это время обросло тревогой, как старый сыр плесенью.

Домой он вернулся поздно, уставший и готовый обвинить в этом что угодно, кроме собственного календаря.

В прихожей его ждала записка.

Она лежала на тумбочке, прижатая керамическим котом, которого Илья привез из поездки и ни разу не полюбил. На белом листке синими чернилами было написано:

«Пожалуйста, перестань хранить ключи в холодильнике».

Илья перечитал записку. Потом оглянулся на дверь, словно та могла отвести взгляд.

— Это ты? — спросил он.

Квартира промолчала. Впрочем, квартира всегда молчала, когда у нее спрашивали о ее мотивах.

Почерк показался знакомым. Буква «ж» была похожа на маленький забор, а хвост у «у» загибался влево. Так писал Илья, если торопился. Он не помнил, чтобы оставлял себе эту записку, но и своих ключей на месте не помнил.

Он подошел к холодильнику, открыл дверцу и сразу увидел связку: ключи лежали на полке между банкой горчицы и пакетом молока. На брелоке висел крошечный пластиковый маяк с надписью «Не терять». Илья купил его на распродаже, потерял через два дня и нашел спустя месяц в коробке с батарейками.

— Ну что ж, — сказал он холодильнику. — По крайней мере, у нас есть улика.

Холодильник загудел с видом свидетеля, не желающего давать показания.

Илья вспомнил, как вчера вернулся с продуктами. В одной руке пакет, в другой — телефон, который звонил. Он открыл холодильник, чтобы убрать молоко, и, вероятно, положил ключи рядом. «На секунду». Секунда, как известно, самое просторное место в квартире. Туда помещались ключи, важные письма, незаконченные дела и иногда целые годы.

Он решил, что с понедельника начнет новую жизнь. Поскольку был четверг, решение казалось особенно серьезным: начинать в четверг значило не искать оправданий в календаре.

Илья вытащил со шкафа коробку с неоплаченными счетами. Он намеревался разложить их по папкам, составить бюджет и стать человеком, которому банк присылает письма не в красном конверте. Стоило ему поставить коробку на полку, как стопка бумаг накренилась и с тихим шорохом обрушилась на пол.

Один счет приземлился ему на носок.

— Тебе смешно? — спросил Илья у стены.

На кухне засвистел чайник.

Он поставил воду греться пять минут назад, собираясь сделать чай, но в это время ответил на рабочее сообщение, потом пошел за чашкой, по дороге заметил счета, решил заняться ими и потерял нить. Теперь чайник объявлял о своей готовности с убежденностью пожарной сирены.

Илья выключил плиту и снял чайник. Вода пахла металлом и легким упреком.

— Ты тоже мог бы подождать, — сообщил он чайнику.

Тот не ответил, зато капнул на плиту. У чайника была простая работа: нагреть воду и сообщить об этом. Он выполнял ее безупречно. Невовремя было только Ильино внимание, которое перескакивало с одного незаконченного дела на другое, как белка по веткам.

На полу лежали счета. В холодильнике лежали ключи. Дверь вела себя так, будто ее строили лично против него. Илья сел за стол и открыл блокнот. Когда жизнь становилась невыносимо хаотичной, он покупал новый блокнот. Это помогало примерно на десять минут, но бумага была приятная.

На первой странице он написал крупно: «КАРТА БЫТОВОГО ХАОСА».

Под заголовком нарисовал три столбца: «Что случилось», «В чем виновата квартира» и «Что я не сделал заранее».

Первую строку он заполнил быстро.

«Дверь не открывается. Виновата дверь. Не положил ключи на место, не приготовил сумку вечером, не поднял ручку».

Он остановился. Пункт про ручку раздражал больше всего. Дверь действительно заедала, но секрет ее капризного характера давно был ему известен. Просто каждое утро Илья проверял, вдруг она решила открываться по-новому. Это был способ не чинить то, что можно было хотя бы учитывать.

Вторая строка:

«Чайник свистит. Виноват чайник. Не поставил чашку рядом, не заварил чай, ушел искать кружку и отвлекся».

Третья:

«Счета падают. Виновата полка. Сложил письма в кучу вместо того, чтобы сразу положить их в папку. Не завел папку».

Илья отложил ручку.

Три ситуации. Три разных виновника. Одна и та же пустота в третьем столбце: заранее не подготовлено место для следующего шага.

Ключи должны были куда-то попадать. Чашка должна была ждать рядом с чайником. Письма — складываться в папку, а не карабкаться на полку друг по другу. Всякий раз Илья начинал действие, не приготовив для него простую опору, а потом искренне удивлялся, что действие развалилось.

Он смотрел на карту, пока из комнаты не донеслось тихое потрескивание батареи.

— Не радуйся, — сказал он квартире. — Я пока не объявил, что ты невиновна.

Это была не глубокая мысль. Скорее неприятная. Илья предпочитал версию, в которой всему виной жилище, собранное из плохих дверей, неудачных полок и чайника с манией вни-мания. В такой версии ему требовалось только переехать. Но переезд тоже надо было плани-ровать, а планирование он откладывал с прошлого года.

Он не стал чинить сразу все. Не вытащил полку, не разобрал счета, не купил новую мебель и не записался на курсы осознанного быта. Он выбрал одну проблему: утреннюю охоту за ключами.

В коридоре обнаружилась небольшая синяя миска, подаренная сестрой. Долгое время в ней лежали батарейки, скрепки и одна пуговица, не принадлежавшая ни одной известной Илье одежде. Он вытряхнул содержимое в ящик и поставил миску на тумбочку.

Затем провел короткую репетицию. Вошел в комнату, взял ключи из холодильника и положил в миску. Повторил. Еще раз. На третий он почувствовал себя участником странного обряда, в котором богом была пластиковая чаша, а жертвой — его привычка бросать вещи «пока сюда».

— Хорошо, — сказал он миске. — Теперь ты отвечаешь за ключи.

Миска хранила молчание, демонстрируя профессионализм.

Перед сном Илья положил рядом с дверью сумку, проверил, что в ней кошелек и пропуск, а ключи оставил в синей миске. Вся операция заняла меньше трех минут. На всякий случай он записал на листке: «Ключи — сюда». Потом посмотрел на надпись, вздохнул и перевернул листок. Даже квартире не нужно было знать, насколько он серьезно настроен.

Утром Илья проснулся на семь минут раньше обычного, потому что впервые за долгое время не стал ночью смотреть видео о людях, которые умеют складывать футболки одним движением. Он нашел ключи в миске. Сумка стояла у двери. Дверь все еще цеплялась за замок, но теперь Илья не толкал ее плечом, не зажимал подбородком телефон и не ругался на мировое устройство. Он приподнял ручку, потянул на себя, и створка открылась.

На лестничной площадке он встретил Веру Павловну.

— Сегодня без запасного ключа? — спросила она.

— Сегодня ключи ночевали в своей комнате.

— В холодильнике?

— Там у них был слишком холодный прием.

Илья вышел из дома вовремя. Не идеально вовремя: автобус ушел прямо перед ним. Но следующего он дождался, не обвиняя в этом ни погоду, ни транспортную реформу, ни тайный заговор остановки. На работу он пришел на две минуты раньше совещания, что вызвало у Лены тревожное подозрение.

— Ты заболел?

— Возможно, просто положил ключи в миску.

— Не затягивай с лечением, — сказала она.

Вечером, вернувшись домой, Илья обнаружил, что счетам все еще некуда деваться, чайник все еще умел свистеть, а дверь по-прежнему требовала приподнимать ручку. Квартира не стала дружелюбной. Она просто перестала выигрывать каждый раунд, в котором Илья сам выходил на площадку без ключей.

Он положил связку в синюю миску. Потом вымыл чашку и поставил рядом с чайником. Счета сложил в одну ровную стопку, чтобы утром купить папку. Это не было новой жизнью. Скорее маленьким участком старой, где он наконец перестал спотыкаться об одно и то же.

— Видишь? — сказал он квартире. — Можно жить спокойно.

Из стены за книжным шкафом донеслось короткое электронное «динь».

Илья замер.

Телефон лежал на кухонном столе экраном вниз. Ноутбук был закрыт. Чайник молчал. Звук повторился: два чистых тона, похожих на уведомление, только чуть ниже, будто его издали пропустили через толстый слой штукатурки.

Он подошел к стене. Обои в одном месте слегка вздулись. Под ними проступил ровный светящийся прямоугольник — не яркий, но отчетливый, словно кто-то включил экран по ту сторону стены.

Илья приложил к поверхности ладонь. Она была теплой.

Из глубины стены раздался новый сигнал.

Илья убрал руку, но свет не погас. На этот раз он был уверен: ни холодильник, ни дверь, ни одна из привычных квартирных пакостей тут ни при чем.

Сообщение из 2125 года

Илья отдернул ладонь, но свет не погас. Прямоугольник на стене стал ярче, и в его середине проступили серые строки, будто кто-то печатал с другой стороны штукатурки.

Сверху появилась дата: **14.10.2125.**

Ниже — сообщение:

Не выбрасывай синий пакет. В нём квитанция, которая понадобится тебе в четверг.

Илья посмотрел на экран телефона. Вторник, 14 октября 2025 года. Время совпадало почти до секунды.

Он снова взглянул на стену. Потом на телефон. Потом на стену, словно между этими предметами можно было обнаружить кого-нибудь, кто объяснит ситуацию и заодно предложит гарантию.

— Кто это? — спросил Илья.

Светящийся прямоугольник не ответил.

Илья прочистил горло и попробовал ещё раз, уже громче:

— Кто отправил сообщение?

На стене возникли новые буквы:

Не ори.

Он тут же отступил на шаг.

— Я не ору.

Тогда не кричи на стену.

Илья обернулся. В квартире никого не было. За окном мокрый октябрьский двор отражал фары машин; из соседней квартиры доносилось, как кто-то безуспешно уговаривает микроволновку. Ничего в этой картине не указывало на человека из следующего столетия. Правда, и на разумную жизнь в микроволновке она указывала не особенно.

— Это розыгрыш? — спросил он.

Не знаю, как у вас это называется.

— А у вас как называется?

Ответа не последовало.

Илья ощутил, как знакомое раздражение поднимается к горлу. Квартира опять что-то подстроила. То замок заедал, то ключи исчезали в кармане куртки, то теперь стена решила изображать службу поддержки. Но на этот раз он остановил себя. Вчера он уже заметил, что ругает обстоятельства быстрее, чем выясняет, что именно случилось. Можно было хотя бы не объявлять штукатурку виновной до завершения расследования.

Он включил заметки на телефоне и завёл новую страницу: **Журнал проверки сообщений.**

Первой строкой записал:

Время: 14 октября 2025 года, 19:43. Сообщение на стене: «Не выбрасывай синий пакет. В нём квитанция, которая понадобится тебе в четверг». Факт: экран показывает дату 14 октября 2125 года. Предположения: розыгрыш, взлом, усталость, неизвестное устройство. Проверка: найти пакет, проверить наличие квитанции, сохранить её до четверга.

Он перечитал запись. Звучало так, будто он собирался расследовать исчезновение древнего артефакта, а не разбираться с пакетом из магазина у дома.

Синий пакет лежал на кухонном стуле. Илья складывал в него квитанции, зарядные кабели и всякие мелочи, которые «потом пригодятся». Обычно это означало, что они там тихо старели до переезда. Он заглянул внутрь. На дне обнаружился сложенный чек за настольную

лампу, купленную в понедельник. Лампа стояла на столе и освещала ровно половину комнаты, зато делала это с видом уставшего маяка.

Илья развернул чек. Дата, магазин, сумма, модель. Всё совпадало.

Он не помнил, что убрал чек именно в пакет. Это не было чудом: он часто складывал бумаги в первое попавшееся место, а потом удивлялся собственной предусмотрительности. Сообщение могло быть простым совпадением, а человек, который устроил розыгрыш, мог знать о его привычках. Или в стене действительно поселился кто-то из 2125 года, который следил за его пакетами. Последняя версия была самой эффектной и пока что самой слабой.

Илья сфотографировал сообщение. На снимке стена вышла обычной: книжный шкаф, вздувшиеся обои, тёмное пятнышко возле плинтуса. Ни прямоугольника, ни букв. Он сделал ещё один снимок. Результат повторился.

— Прекрасно, — сказал он. — Теперь у меня есть доказательство, которое нельзя показать никому.

Он проверил настройки телефона, отключил Wi-Fi, а затем ради чистоты эксперимента выключил роутер. Экран на стене не погас. Это могло означать, что устройство работает независимо от домашней сети. Или что роутер был ни при чём. Или что Илья зачем-то стоял в темноте и разговаривал с обоями.

Он нашёл в интернете запрос «светящийся экран в стене квартира». Поисковик предложил советы, как установить телевизор, как выбрать ночник и как избавиться от плесени. Запрос «устройство за обоями показывает текст» привёл к обсуждению умных домов, где один человек утверждал, что его холодильник слушает ссоры, а другой советовал вынуть батарейки из пульта. Ни инструкции, ни модели, ни даже убедительного мошенника.

Илья включил роутер обратно. Потом осторожно постучал пальцами по стене, не сильно, чтобы не потревожить соседей и не получить в ответ счёт за ремонт.

— Если вы меня слышите, подтвердите.

Ничего.

Он придвинул к стене телефон, хотя понимал, что микрофон и так ловит голос. Вспомнил инструкции к домофонам: говорить чётко, не закрывать динамик, не нажимать одновременно на несколько кнопок. Кнопок не было, динамика тоже. Оставалось общаться с источником сигнала как с капризным подъездным устройством.

— Здравствуйте. Это Илья. Я нахожусь в квартире. Вы меня слышите?

На стене появилось:

Да.

— Кто вы?

Сначала выясни, что означает сообщение.

— А потом?

Потом не стучи.

Илья посмотрел на пальцы. Он снова стукнул по стене, не заметив этого.

— Это не объяснение.

Это напоминание.

Текст исчез. Прямоугольник погас, оставив на обоях бледный след света, похожий на послесвечение после вспышки. Илья ещё минуту ждал. Потом проверил экран телефона и убедился, что никто не прислал ему сообщение из будущего привычным способом. На всякий случай он не написал сестре: «Кажется, у меня в стене человек». Сестра могла бы приехать, а потом заставить его вызывать электрика. Оба варианта пока казались преждевременными.

Перед сном Илья переложил чек из синего пакета в ящик стола, но через секунду вернул обратно. Сообщение говорило не только о квитанции, но и о пакете. Проверить предстояло именно это. Он поставил пакет на кухонную полку, где его было трудно случайно выбросить

вместе с пустыми коробками, и записал в журнал: «Не предпринимать никаких действий с лампой. Не создавать повода для возврата. Если квитанция не понадобится, так и отметить».

Это было разумно. Разумность слегка портила впечатление, будто он участвует в научной экспедиции, но зато защищала от превращения каждого совпадения в знак судьбы.

В среду стена молчала. Илья несколько раз проходил мимо, стараясь не смотреть на неё. Вечером он всё-таки подошёл и произнёс:

— Проверка связи.

Свет не появился.

— Очень разговорчивый собеседник.

Он составил в заметке план на четверг: пользоваться лампой как обычно; не искать специально, куда применить чек; если квитанция действительно понадобится, записать обстоятельства и время. В этом было что-то успокаивающее. Не потому, что план объяснял тайну, а потому, что хотя бы в нём самом было понятно, что делать дальше.

В четверг в половине девятого вечера настольная лампа мигнула и погасла.

Илья нажал на выключатель. Ничего. Пошевелил провод. Лампа вспыхнула, дважды моргнула и снова отключилась. Под столом пахло тёплой пылью и чем-то пластмассовым.

— Вот только не надо, — сказал Илья.

Лампа не ответила, что было одним из её лучших качеств.

Он выключил её из розетки и осмотрел блок питания. Никаких искр, дыма или повода для паники. Просто вещь, купленная два дня назад, уже решила выйти из проекта. Илья позвонил в магазин. Продавец попросил назвать модель, затем объяснил, что обмен возможен, но для ускоренного оформления понадобится чек.

Илья замолчал.

— У меня он есть, — сказал он.

— Отлично. Приносите вместе с лампой.

Илья достал квитанцию из синего пакета. Магазин, дата, модель — всё читалось. Он отнёс лампу в пункт возврата неподалёку от дома. Сотрудник сверил номер, забрал неисправный блок питания и оформил обмен. Без чека тоже, вероятно, можно было разобраться, но пришлось бы ждать подтверждения покупки. С квитанцией дело заняло шесть минут.

В журнале Илья написал:

Четверг, 20:17. Лампа перестала работать при обычном использовании. Магазин попросил чек для быстрого обмена. Чек из синего пакета подошёл. Прогноз сбылся. Причина сообщения неизвестна.

Он добавил: «Не доказывает, что отправитель из будущего». Потом посмотрел на эту строчку и добавил: «Но делает версию интереснее».

Вернувшись домой, Илья не включил новую лампу. Он повесил куртку, разулся и сразу пошёл к стене. Прямоугольник уже светился. На нём было короткое сообщение:

Ну?

Илья осторожно положил квитанцию на стол.

— Нужна была.

Я заметил.

— Ты видел, что у меня сломалась лампа?

Нет.

— Тогда откуда знал?

Не сейчас.

Илья открыл журнал и записал время нового сообщения. Затем добавил в колонку «Факты»: предсказание подтвердилось; источник объяснение не дал. В колонку «Предположения» перенёс три версии: кто-то следит за квартирой; устройство получает информацию из системы магазина; собеседник действительно находится в будущем.

— Теперь можно задать вопросы? — спросил он.

Можно.

— Кто ты?

Жилец.

— Где?

Здесь.

— «Здесь» — это в стене?

Нет. В квартире.

Илья посмотрел на книжный шкаф. Он вдруг стал казаться не мебелью, а плохо замаскированным порталом, который стесняется признаться в своих размерах.

— В этой квартире?

Да.

— В каком году?

Текст исчез. На его месте возникла новая строка:

2125.

Илья не ответил сразу. Он сравнил дату на телефоне с датой в верхнем углу светящегося экрана. Там по-прежнему стояло 14 октября 2125 года. На телефоне — 16 октября 2025-го. Ровно сто лет между датами, если не считать двух дней, прожитых Ильёй с тех пор, как сообщение появилось.

— Ты отправил мне сообщение из будущего?

Да.

— А оно обязательно должно было начинаться с пакета?

Тебе надо было оставить квитанцию.

— Это всё ещё не доказывает, что ты живёшь именно здесь.

— Илья сам удивился, насколько уверенно это прозвучало. Страх никуда не делся, но теперь у него появилась привычная форма: вопрос, который можно записать, и ответ, который можно проверить.

На экране возникла схема квартиры. Илья узнал кухню, узкий коридор, окно с широким подоконником. Даже ниша возле ванной была на месте, хотя на его плане из договора она выглядела просто неровной линией. В углу схемы светилась надпись:

Дом 18. Квартира 46. Жилой статус: активен.

Илья достал из ящика договор аренды. Дом 18, квартира 46. Он сверил номер с экраном, потом подошёл к двери и посмотрел на табличку с номером квартиры. Совпадение было точным. Слишком точным для ответа незнакомца, который просто решил пошутить, и всё ещё недостаточным для доказательства, что на календаре у того действительно 2125 год.

— Значит, ты живёшь в моей квартире через сто лет.

В этой же квартире.

— И уже знаешь, что здесь будет?

Не всё.

— А что именно знаешь?

Что ты задашь этот вопрос.

— Это легко было предсказать.

Тогда не записывай как доказательство.

Илья замер. В журнале у него действительно оставалась пустая строка для новой записи. Он усмехнулся, несмотря на напряжение.

— Ты всё-таки читаешь мои заметки?

Нет. Ты говоришь вслух.

Илья посмотрел на телефон. Приложение заметок было открыто, но голосовой ввод выключен. Он стёр запись, которую ещё не успел внести, и посмотрел на стену.

— Кто ты?

На этот раз собеседник отвечал не сразу. Прямоугольник померк, словно связь проходила через слишком длинный коридор. Затем снова загорелся.

Человек, которому предстоит здесь жить.

— Мне?

Не задавай два вопроса одновременно.

— Это был один.

У тебя их было три.

Илья хотел уточнить, как зовут будущего жильца, что случилось с домом и почему сообщения приходят именно ему. Вместо этого он открыл журнал и записал новое наблюдение: собеседник утверждает, что живёт в квартире 46 в 2125 году; номер совпадает с договором; имя не названо. Ни одну из этих строк нельзя было заменить фразой «всё понятно».

— Когда расскажешь, кто ты? — спросил он.

Когда перестанешь считать любую неизвестность задачей на немедленное решение.

Илья нахмурился. Это звучало неприятно разумно для того, кто жил в стене и присылал бытовые пророчества на сто лет назад.

— А если я не перестану?

Тогда всё равно расскажу. Просто позже.

Экран погас.

Илья остался стоять посреди комнаты. В руке он держал договор аренды, на столе лежала квитанция, а в журнале появилось первое событие, которое не хотелось объяснять ни розыгрышем, ни усталостью. Он не решил, что стене можно доверять. Он решил только, что стоит продолжать наблюдать и не отдавать управление своей жизнью первому сообщению, каким бы уверенным ни был его шрифт.

За книжным шкафом коротко звякнуло.

Илья не вздрогнул. Почти.

Человек, которому предстоит здесь жить

Илья не вздрогнул. Только медленно повернул голову к шкафу, будто там мог стоять человек, которому просто не повезло с выбором жилища.

В комнате пахло мокрой шерстью и холодным дождём. Зонт, синий, с каплями по краям, лежал на подоконнике. Илья поставил его туда ещё с порога и успел забыть.

За шкафом щёлкнуло снова. На узкой полоске экрана загорелись слова:

И ещё: не ставь мокрый зонт на подоконник.

Илья перевёл взгляд на зонт.

— Я уже поставил.

Я заметил.

— Ты следишь за мной?

Ответ появился не сразу. Илья услышал, как за окном шуршат шины по мокрой дороге. На подоконнике собиралась тонкая лужица, и одна капля медленно ползла к краю, словно тоже хотела посмотреть, что будет дальше.

Нет. В моей квартире в 2125 году на этом месте есть вздувшийся круг. Я сделал вывод, что кто-то регулярно ставил сюда мокрые вещи. Не знаю, был ли этим кем-то ты.

«В моей квартире», — повторил про себя Илья.

Он снял зонт с подоконника и поставил в прихожей на старый пластиковый поддон. Это не было ни подвигом, ни доказательством того, что стене можно доверять. Просто подоконник уже намок, а поддон существовал именно для таких случаев. Илья вытер воду рукавом и вернулся к шкафу.

— Ладно. Давай попробуем без приказов.

Справедливо. Я мог бы начать с “пожалуйста”, но дождь, расстояние в сто лет и привычка разговаривать с жильцами через стену испортили мои манеры.

— У тебя есть ещё какие-нибудь привычки, которые я должен терпеть?

Пока не обнаружил.

Илья усмехнулся, сам не желая признавать, что усмешка вышла настоящей.

— Ты обещал рассказать, кто ты.

На экране погасла одна строка. Появилась другая.

Лев. В 2125 году я живу в этой квартире.

— Лев. И всё?

Для знакомства без рукопожатия неплохо.

— У меня были и более содержательные знакомства с домофонами.

Домофоны обычно не отвечают.

— У этого хотя бы не было привычки давать мне бытовые советы.

Пока.

Илья придвинул стул к книжному шкафу и сел. Между ним и сообщениями оставались деревянные полки, корешки книг и целый век. Он вдруг представил, как нелепо это выглядело бы со стороны: взрослый мужчина допрашивает шкаф, словно тот задолжал ему за коммунальные услуги.

— Я хочу договориться о правилах, — сказал он. — Ты не видишь меня?

Нет.

— Не слышишь?

Нет.

— Тогда откуда знаешь про зонт?

Из будущего. Я вижу след на подоконнике и знаю, что он возник до моего заселения. Кто его оставил, не знаю.

— А если я попрошу тебя не писать мне?

Ответ задержался. Илья успел подумать, что, возможно, вопрос был слишком простым для человека из следующего века.

Ты можешь не отвечать. Можешь закончить разговор. Я не могу заставить тебя слушать.

— Хорошо. И не присылай мне команд без объяснений.

Принято. Просьба: не ставь мокрый зонт на подоконник. Объяснение: дерево портится. Уточнение: я не знаю, испортил его именно ты.

— Уже лучше.

Не привыкай.

Илья откинулся на спинку стула. Его настороженность никуда не исчезла, но стала занимать в комнате меньше места. Как громоздкий шкаф, который наконец отодвинули от двери.

— Теперь мои вопросы. Чего ты хочешь?

На этот раз экран оставался пустым несколько секунд. Илья представил Льва где-то в 2125 году: возможно, в той же комнате, только с другими шторами и более быстрым способом переписываться со стенами. Возможно, Лев тоже сидел на стуле. Возможно, он стоял, потому что у будущих жильцов были лучше колени.

Хочу, чтобы подоконник не разбух ещё сильнее. И чтобы третья ступенька на лестнице перестала скрипеть.

— Вот и всё?

А ты рассчитывал на манифест?

— Я рассчитывал хотя бы на причину, по которой ты решил говорить именно со мной.

Ты оказался в квартире за сто лет до меня. Это довольно веская причина.

— Не для меня.

Слова прозвучали резче, чем Илья собирался. Он встал и прошёлся по комнате. Под ногой скрипнула доска пола. Лев, если верить своему календарю, получит эту квартиру не скоро, но уже успел предъявить к ней претензии. Илья ощутил раздражение — не бурное, скорее колючее. Его задело не то, что незнакомец знал о подоконнике. Его задело, что он сам знал: зонт там появлялся не впервые. И в прошлый раз он тоже собирался убрать его через минуту. Потом забыл.

— Что ты знаешь наверняка? — спросил он, остановившись у окна. — Только факты. Не догадки.

Наверняка: я Лев. В 2125 году я живу здесь. Подоконник повреждён. Третья ступенька скрипит.

— А что ты думаешь, но не можешь подтвердить?

Что кто-то долго считал подоконник подходящим местом для мокрых вещей. Возможно, потому что поддон был далеко.

Илья посмотрел на поддон в прихожей. Три шага — не так уж далеко. Впрочем, расстояние до поддона иногда измеряется не метрами, а степенью усталости.

— Ты сказал, что ступенька скрипит. Третья снизу?

Третья от площадки.

— Это вообще-то четвёртая.

Пауза.

Нет. Третья.

— Я живу здесь сейчас. Спускался утром. Третья ступенька после входа в подъезд скрипит, а от площадки это четвёртая.

Значит, я считаю с другой стороны. Или в здании что-то изменилось.

— Ты живёшь в будущем, а не в моей лестничной клетке.

В моём времени лестничная клетка тоже лестничная клетка. Хотя, признаю, счёт ступенек не входит в перечень моих выдающихся достижений.

Илья улыбнулся.

— Это полезно.

Что именно?

— Что ты можешь ошибаться.

Я стараюсь не злоупотреблять этим преимуществом.

Илья снова сел. Разговор понемногу переставал быть допросом, хотя доверительным он тоже не стал. Скорее напоминал первый визит к новому соседу: дверь приоткрыта, один ботинок уже на пороге, второй всё ещё готов к отступлению.

— Чем ты готов поделиться? — спросил Илья. — Кроме сведений о деревянных поверхностях и акустике лестниц.

Могу рассказать, что сохранилось в квартире к моему времени. Что я нашёл в записях о доме. Могу делиться тем, что наблюдаю, и отдельно отмечать, где начинаются мои предположения. Но я не знаю твоего будущего.

— Ты ведь сам из будущего.

Я из своего будущего. Это не одно и то же. Я не могу сказать, что с тобой случится. У меня нет расписания твоей жизни.

— А если бы было?

Я бы не стал им размахивать.

— Почему?

Потому что ты не мой сотрудник.

Илья посмотрел на экран. В этой фразе было что-то неожиданно важное. Лев не собирався руководить им, хотя сам факт общения через сто лет почти автоматически давал его словам видимость авторитета. У любого сообщения из будущего была опасная упаковка: человек склонен принять его за приказ только потому, что оно пришло издалека.

— Значит, ты не собираешься учить меня жить?

Я собираюсь попросить тебя не портить подоконник. Это намного скромнее.

— Не уверен, что скромнее.

Я могу прислать чертёж поддона.

— Это будет уже третий век подряд, когда мужчина решает бытовую проблему чертежом.

Тогда ограничусь просьбой.

Илья на минуту замолчал. За окном дождь стал тише. На кухне щёлкнул остывающий чайник. Он поймал себя на том, что уже не пытается представить Льва чудовищем, мошенником или сверхразумом. Он просто не знал, кто тот такой, и впервые не считал это незнание аварией, требующей немедленно перекрыть газ.

— Ты сказал, что живёшь здесь в 2125-м, — произнёс Илья. — Получается, я твой предшественник.

Получается.

— Я никогда не планировал становиться чьим-то предшественником.

Люди обычно не планируют. Просто оставляют после себя следы.

Илья посмотрел на подоконник. Вода всё ещё блестела на дереве. Он вытер её сухой тряпкой и положил тряпку на батарею.

— Ты сейчас очень удобно обобщил. У меня тоже есть следы, которые не связаны с подоконником.

Наверняка. Я пока не получил доступа к твоему личному архиву, и это к лучшему.

— И к счастью для тебя.

Не сомневаюсь.

Илья улыбнулся, но тут же снова посмотрел на мокрый след. Маленькое пятно, которое можно было убрать. Будущий человек не потребовал от него стать добрым, успешным или безупречным. Только напомнил, что даже мелкие привычки кому-то достаются в наследство. Иногда в виде вздувшегося дерева. Иногда в виде чужого облегчения от того, что предыдущий жилец всё-таки однажды починил кран.

— Ты когда-нибудь думал, каким человеком хочешь быть? — спросил он.

Я прямо сейчас разговариваю со стеной. Не думаю, что имею право спрашивать о твоих амбициях.

— Ты уже спросил про зонт.

Зонт проще. У него понятная функция.

— А у человека?

Если узнаешь, напиши. У меня через сто лет всё ещё нет полной инструкции.

Илья тихо фыркнул. Потом взгляд его упал на блокнот, лежавший на столе рядом с договором аренды. Он достал ручку и открыл чистую страницу.

— Мне кажется, я должен как-то это проверить.

Ты уже проверяешь.

— Не тебя. Себя.

— Он сказал это тише, чем собирался, и тут же смутился, будто Лев мог увидеть выражение его лица.

На листе Илья написал: «Письмо себе через год».

Слова выглядели так, словно он собирался дать себе важный совет, который потом обязательно забудет. Он начал:

«Дорогой Илья. Надеюсь, за этот год ты стал собранным, спокойным и наконец понял, чего хочешь».

Илья перечитал. Получилось похоже на характеристику сотрудника, который не оправдал вложений. Он зачеркнул строку.

— Неудачно? — спросил Лев.

— Слишком похоже на список недостатков, которые я обязан исправить.

Тогда не исправляй весь список. Выбери что-то одно.

— Ты всё-таки даёшь советы.

Я предлагаю сократить объём работы.

— Это подозрительно разумно.

Илья прокрутил ручку между пальцами. Что именно он хотел бы заметить через год в своей обычной жизни? Не новый паспорт, не квартиру с балконом и не внезапную способность просыпаться в пять утра счастливым. Обычный вторник. Возвращение домой. Ключ в замке. Телефон, который он часто доставал раньше, чем успевал снять куртку.

Он знал этот сценарий: устал, решил ненадолго проверить сообщения, потом обнаружил, что вечер исчез. Не катастрофа. Не провал. Просто жизнь, которую он откладывал до момента, когда появятся силы.

— Я бы хотел, чтобы после работы у меня оставалось хоть немного вечера, — сказал он.

Это понятно. Что должно измениться, чтобы ты это заметил?

Илья посмотрел на пустую страницу. Вопрос был несложный, но почему-то заставлял думать. Если записать «быть счастливее», можно никогда не узнать, получилось ли. Если записать «не тратить вечера на телефон», можно превратить каждую минуту с экраном в повод для недовольства собой.

— Может, выходить на улицу, — произнёс он. — Несколько раз в неделю. Перед тем как провалиться в телефон.

На сколько?

— Лев, ты теперь ещё и мой планировщик?

Нет. Но “иногда выйти” трудно проверить.

Илья вздохнул. Раздражения в голосе не было. Вопрос и правда помогал.

— Двадцать минут. Три раза в неделю. После работы. Просто пройтись вокруг квартала, прежде чем открывать ленту.

Звучит выполнимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.